

8 июля 1990 года

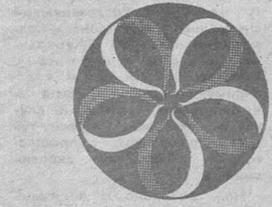
На днях в Киеве во Дворце культуры «Украина» состоялась премьера документально-художественного фильма известного советского режиссера Станислава ГОВОРУХИНА «Так жить нельзя».

Увидели мы фильм благодаря Украинской гильдии кинооператоров, которая закупила картину. Наверное, нет смысла пересказывать и рецензировать ее, потому что придется рецензировать нашу невыносимую и тяжкую жизнь.

А она в рецензировании не нуждается. Она нуждается в изменении. Картина и об этом тоже.

В общем, когда фильм пойдет «широким экраном», мы можем сказать только одно: «Иди и смотри!»

А пока предлагаем читателям запись беседы С. Говорухина со зрителями после просмотра.

— Кому вы адресовали свой фильм в первую очередь?

— Все, про кого вы подумали, этот фильм уже посмотрели. Мы показали его Верховному Совету СССР, съезду народных депутатов РСФСР перед выборами Ельцина (привезли на «Мосфильм» на автобусах и заставили посмотреть). Моссовет и Ленсовет смотрели и приняли решение: немедленно фильм к зрителям. Ну, и Горбачев посмотрел. Реакция его неизвестна, но как сказал наш министр культуры, смотрел спокойно, мрачно. После фильма ничего не сказал, ушел.

— Коммунист ли вы?

— Нет. (В зале аплодисменты). Ну, вообще-то я не могу принять эти аплодисменты. Есть у нас огромное количество профессий, которыми нельзя было заниматься, не будучи членом партии. Нельзя было быть командиром корабля, дипломатом, руководителем. Да что там говорить, Родину нельзя было защищать, если ты не член партии — кто же тебя назначит командиром соединения?

— Но меня как-то убергло. Я всегда говорил, что еще наступит время, когда я буду гордиться тем, что я не член партии. Потом уже и сам стал смеяться над собой. И вдруг...

данно такое время наступило, за что я Горбачеву и благодарен.

— Вы собираетесь показывать фильм делегатам съезда КПСС?

— А вы Горбачева слушали? Ему неделю назад по телевидению задавали такой вопрос. Но он мастер уходит от ответов.

Мы хотели бы показать фильм съезду. Между прочим, среди первых зрителей были министр внутренних дел и депутат Травкин. Я пригласил Николая Ильича, потому что мы давно знакомы, и сказал: ну, приходи, а то меня разорвут на части. Фильм был немножко подлиннее, поострее, порезче, поглубже. Ну, естественно, Бакатина это возмутило, он сказал, что это призыв к «румынскому варианту». А Травкин сказал, что хорошо бы этот фильм показать делегатам XXVIII съезда и посмотреть, кто из них после этого останется в зале заседаний. Поскольку мы умудрились показать фильм и Политбюро, и Президенту, то я думаю, могли бы показать и съезду. Силы такие есть, можно было бы провести определенную работу. Но я вот смотрел на генеральную репетицию съезда партии в виде Российской партийной конференции, переходящей в съезд, и подумал, что это бесполезно. Бесполезно, потому что догматиков не перевоспитаешь.

Когда мы показали фильм съезду народных депутатов РСФСР, перед выборами Ельцина, я спросил одного депутата: «Скажи, какой эффект произвел фильм?» Он ответил: «Левые похвально, правые поправили. Но центр подвинулся влево».

— Почему вы не сняли этот фильм пять или семь лет тому назад?

— Хороши вы рассуждать-то. Почему я не снял такой фильм семь лет назад? Надо отвечать на такой вопрос! Вот если бы вы меня спросили: «Всю ли я правду сказал здесь? Я бы ответил — нет. Конечно, не всю правду. Это фильм не очернительный, как многие его называют, а он, скорее, лакировочный, потому что в жизни еще хуже. И тенденция к ухудшению наблюдается, так что он с каждым днем будет становиться все лакировочнее».

Я ведь не зря показал Бакатину «удлиненный» вариант фильма. Меня никто не заставлял, я его потом сам сократил: выбросил какие-то очень грубые места, где-то прибегнул к дипломатическому языку. Потому что картина может сделать свое дело только при одном условии — если она попадет к зрителю.

Предположим, я хотел бы назвать картину не «Так жить нельзя», а «Преступники у власти». Но я понимал, что в этом случае дорога к экрану будет еще более трудной. Поэтому и приходится вертеться, как рыбе на сковороде, для того, чтобы картина дошла до зрителя. Если б я ее и снял пять лет назад. Ну и что? Она лежала бы на полке.

— Почему картина не имеет массового экрана?

— Картина будет иметь массовый экран. Сейчас существует кинорынок — некая профанация рынка. Вот он недавно состоялся в Ленинграде. Представители разных регионов и организации покупали новые фильмы. Одни купили, другие нет. Ну, например, руководитель проката Днепропетровской области сказал, что у них этот фильм смотреть не будут. Ему говорят: да вы что? Новые же времена. А он отвечает: это у вас новые, а у нас все по старому.

Не купил картину и представитель города Киева. Именно поэтому картина здесь. Есть такой кинооператор Виллен Калота, руководитель гильдии операторов, который выкупил одну копию, и с большим трудом привез сюда. Сегодня в стране шесть копий. У меня я копии, естественно, тоже нет, меня к ним и близко не подпускают, картина принадлежит «Мосфильму».

— Сейчас иногда отождествляют жизненную позицию Шукшина и Распутина. Согласны ли вы с такой трактовкой?

— Нет, конечно. Они совершенно разные люди, хотя оба замечательные писатели. Шукшин — моя любовь. Я и Распутин люблю как писателя. В последнее время он занялся политической деятельностью, посмотрим, что из этого получится.

— Будут ли показывать картину за рубежом?

— Да, она пойдет за рубеж. Я думаю, ее будут смотреть во всем мире. Вы, может, обратили внимание, что кар-

тина снята совместно с западногерманской фирмой. Почему мы ее привлекли? Ну, во-первых, у нас не было пленки, во-вторых, они нам дали возможность снимать три дня в Америке, потом в Гамбурге. Но самое главное, мы брали их для того, чтобы гарантировать сохранность фильма и выход его к зрителю. Я не знал, потеплеет у нас к моменту выхода его на экран или похолодает. Поэтому, когда картина была готова, первое, что мы сделали, — отравили копию в Мюнхен. Сейчас готовится западный вариант фильма, меня будет дублировать Максимилиан Шелл.

— Ваше мнение о рецензии Александра в «Советской культуре».

— Да, в «Советской культуре» бы-

— Как вы себе представляете ближайшее будущее страны?

— Я, к сожалению, в этом вопросе пессимист. Хотя мне кажется, что еще можно выбраться из той ямы, в которой мы оказались. И от нас многое зависит, но еще большее — от наших руководителей. А пока что их прядение не внушает никаких надежд. Достаточно было посмотреть на партийную конференцию, переросшую в съезд, чтобы понять, что в ближайшее время перемен к лучшему ожидать нет оснований. Артист Театра на Таганке Вениамин Смехов сочинил по этому поводу остроту: «Российская коммунистическая партия была образована

строили в ряд и, пролетая на конях, рубили собирать камни, время добро и время злу. Время собирать вещи и уезжать».

— Да... Эмиграция — это серьезная опасность для страны. Потому что уезжают все-таки таланты, мозги, золотые руки. Ведь лентяй и бездарь не поедет, он знает, что там пропадет. Едут только те, которые уверены, что найдут себе применение.

Хотя, честно говоря, я не встречал там людей по-настоящему счастливых, кроме крупных художников, писателей, которые не потеряли свою аудиторию. Дантон замечательно однажды сказал: «Нельзя унести Родину на подошвах своих ботинок».

— Зачем вы показываете Гамбург, покажите лучше, как живет наше правительство...

— А как, вы себе думаете, я это сделаю? Кто меня туда пустит? Для этого мне понадобилось бы вступить в партию и стать кандидатом в члены Политбюро. Ну тогда уже и фильм не надо снимать.

А тем, кто все-таки хочет узнать «о жизни за зеленым забором», советую прочесть книжку Ельцина «Исповедь на заданную тему». Там все это подробно описано — один из них все-таки расколослся...

— Как отреагировал Бакатин на сравнение наших защитников правопорядка с закордонными? Ему было хотя бы стыдно?

— Нет, ему не было стыдно. Он все это прекрасно понимал и раньше. Но за год ничего не изменилось. Ну вот, казалось бы, очевидно, что не может наш милиционер ходить в такой неудобной форме. Так вот еду я недели три назад по улице Горького и вижу, как на одном перекрестке вместо милиционера стоит клоун. Натуральный клоун. Проехал триста метров — еще один. Шаровары, шапочка Арлекина. Я догадался. Опробуется новая форма милиции. Только в нашей стране можно было догадаться заказать сугубо мужскую форму художнику, который набил руку в разработке женских нарядов.

Кольца для дубинки на поясе они так и не придумали, видимо, весь научно-исследовательский институт работает

Станислав ГОВОРУХИН: „ТАК ЖИТЬ НЕЛЬЗЯ“

дуют в Кремль. Но у нас все дороги ведут в Кремль...

— Время разбрасывать камни и время собирать камни, время добро и время злу. Время собирать вещи и уезжать.

— Да... Эмиграция — это серьезная опасность для страны. Потому что уезжают все-таки таланты, мозги, золотые руки. Ведь лентяй и бездарь не поедет, он знает, что там пропадет. Едут только те, которые уверены, что найдут себе применение.

Хотя, честно говоря, я не встречал там людей по-настоящему счастливых, кроме крупных художников, писателей, которые не потеряли свою аудиторию. Дантон замечательно однажды сказал: «Нельзя унести Родину на подошвах своих ботинок».

— Зачем вы показываете Гамбург, покажите лучше, как живет наше правительство...

— А как, вы себе думаете, я это сделаю? Кто меня туда пустит? Для этого мне понадобилось бы вступить в партию и стать кандидатом в члены Политбюро. Ну тогда уже и фильм не надо снимать.

А тем, кто все-таки хочет узнать «о жизни за зеленым забором», советую прочесть книжку Ельцина «Исповедь на заданную тему». Там все это подробно описано — один из них все-таки расколослся...

— Как отреагировал Бакатин на сравнение наших защитников правопорядка с закордонными? Ему было хотя бы стыдно?

— Нет, ему не было стыдно. Он все это прекрасно понимал и раньше. Но за год ничего не изменилось. Ну вот, казалось бы, очевидно, что не может наш милиционер ходить в такой неудобной форме. Так вот еду я недели три назад по улице Горького и вижу, как на одном перекрестке вместо милиционера стоит клоун. Натуральный клоун. Проехал триста метров — еще один. Шаровары, шапочка Арлекина. Я догадался. Опробуется новая форма милиции. Только в нашей стране можно было догадаться заказать сугубо мужскую форму художнику, который набил руку в разработке женских нарядов.

Кольца для дубинки на поясе они так и не придумали, видимо, весь научно-исследовательский институт работает

над этой проблемой. Форма крайне неудобная. Вот и все изменения «к лучшему».

Бакатин сказал, что если то, что случилось в Фергане, начнется в трех-четыре региона одновременно, то мы погасим пожар не сможем. Потому что у нас внутренних войск 37 тысяч. И за год их не прибавилось.

В «Московских новостях» я описал те моменты, которые не вошли в фильм. На моих глазах, когда начались события в Баку, танк раздался машину с тремя профессорами, одна из них женщина. Я, конечно, получил огромную кучу возмущенных писем от армейских начальников о том, что это ложь, неправда, что это был не танк, а бэтэвр. Группа депутатов во главе со Станкевичем послала запрос Язову, и он тоже ответил, что случай имел место, но был не танк, а бэтэвр.

Вырезал я и другие. Когда над городом стоял стон, погибли люди, в основном беззащитные старики, старики, дети, в это же время в городе в казармах находились тысячи солдат внутренних войск. Это не укладывается в голове.

— Как вы оцениваете деятельность общества «Память»?

— Этот вопрос становится обязательным в любом интеллигентном обществе. Как бы тест на шившего. К «Памяти», которая так похожа на рождающийся фашизм, я отношусь, конечно, отрицательно. Но, знаете, даже на пораженной червями яблоне всегда есть два-три нетронутых плода. Поэтому какие-то идеи «Памяти», касающиеся возрождения России, я как русский человек не могу не приветствовать. Это то, что касается возрождения бытовых, традиций, исторической памяти, культуры. Согласитесь, что даже зная с Герсгием Победносцем выглядит привлекательнее, чем зная с серпом и молотом.

Отрицать все — глупо. Если все идеи организации вредны и глупы, она не представляет никакой опасности для общества. Реальную опасность представляют те организации, в которых наряду с губительными для демократии идеями присутствуют и благородные задачи, способные увлечь и привлечь людей. Вот «Память» такой организацией и является, и поэтому она особенно опасна.

— Ваше отношение к преступникам, которых вы снимали в фильме! Необходимо ли высшая мера наказания!

— Я считаю, что есть преступления, за которые надо наказывать только высшей мерой. Когда одного французца спросили об этом, он ответил: «Вы против смертной казни? Отлично. Я тоже против, но пусть ее сначала отменяют господа преступники».

Волна в нашей прессе за отмену смертной казни привела к тому, что она практически уже отменена. Когда я задумывал фильм, то хотел снять смертную казнь. Думал, может, хоть это подействует на преступников, будет каким-то осязаемым моментом. Потом я отказался от этой идеи, понял, что этого нельзя делать. Но если бы я и захотел снять такой эпизод, то мне все равно это не удалось бы сделать. Мы нашли несколько жесточайших убийств-садов, которые по-звериски издевались над жертвами, но и к ним высшая мера не была применена.

— Как вы относитесь к советским конкурсам красоты?

— Я не слежу за этим. Один раз, правда, пришлось участвовать в жюри, и то случайно. Хотя почему бы и нет? Это не хуже, чем ежедневно какой-нибудь съезд по всей стране.

— Свободная Украина, самостояная Украина — ваше отношение к ней?

— Вы знаете, я за отделение всех республик. И считаю даже, что это единственный выход. Проще всего было бы решить этот вопрос, отделившись РСФСР. Но как расстаться с Украиной и Белоруссией, я не понимаю. Всегда эти народы жили вместе, и они неразделимы, на мой взгляд.

— Зарплата Президенту в 4 тысячи рублей, а минимальную пенсию в 70 рублей Верховный Совет назначил после просмотра вашего фильма!

— Думаю, Президент, конечно, мог бы обойтись и без такой зарплаты. Он достаточно много зарабатывает и на гонорах. Можно было бы прекрасно жить и скитаться на старость. А такие

цифры при нынешней нищете лишней раз раздражают людей. Наверное, не было в этом необходимости.

— Что делать молодым людям, которые полностью разуверились в справедливости и не верят в будущее нашей страны!

— Пока молодые люди и все остальные тоже не убедятся, что наша жизнь меняется к лучшему, за преступностью будет бороться невозможно. Это должны понять и наши руководители. Вы видели цифры темпов роста преступности. Такого нет ни в одной стране, завтра же нас захлестнет террор. 47 процентов преступников — рабочие. И после этого с высокими трибунами нам говорят, что надо больше советовать с рабочим классом...

— О чем будет ваша следующая картина!

— Сейчас наши режиссеры мечтают о том, как бы снимать «у них» или на их деньги. Чтоб не уподобляться коллегам, я задумал фильм о нашей жизни, с нашими актерами, на наши деревенские деньги, или, как их теперь называют, фантики. А с другой стороны, я думаю, где я буду брать пленку, положение с ней с каждым днем все катастрофичнее. Так что пока не знаю...

— Вы снимаете и пишете о преступности, не угрожает ли вам!

— Нет, не угрожает. Угрожать в этом случае может только хорошо организованная преступность. А я рассуждаю так: в обществе, где все организовано из рук вон плохо — сельское хозяйство, армия и т. д., — может ли быть хорошо организованная преступность? Хотя она мучает и крепнет с каждым днем и, если мы вовремя не спохватимся, она будет представлять реальную опасность. Сегодня же страшнее преступность неорганизованная, уличная, о которой и рассказывается в фильме.

— Верите ли вы, что нынешнему руководству удастся изменить обстановку в стране!

— Нет, не верю. Мне вот Ельцин нравится как политический деятель, но, и ему, думаю, вряд ли что-то удастся. Это вообще трудно сделать, тем более в такой стране, как наша.

Я сейчас отчаялся и начал читать классическую литературу. Очень интересно. Особенно описание еды — просто какая-то антисоветская литература. Подумать только, что они ели в этой ужасно отсталой России. Помните сбеда Чичикова у помещика Петухова? Хозяин ему говорит: ну попробуйте этого теленка, на молоке аскарилливал, ухаживал, как за сыном. Чичиков отказывается: да нет, не могу, нет места. А потом идут кулинарные перечисления, мы и слова такие позабывали, какие-то кулебяки со сметками. Вот вам какая была Россия до 1917 года.

Нынешнее положение в стране дает повод консервативно-реакционным силам с их урваным мышлением во всем обвинять перестройку. Дескать, при Брежневке, да и при Сталине, ну в смысле еды, было лучше. Они рассуждают как тот алкоголик, который говорит, что шампанское нельзя пить, сразу развозит. Вот вчера мы с Колей раздали два пузырька одоколона — и ничего. Потом по бутылке шамурдака — нормально. Полстакана шампанского выпили — сразу развезло. Так рассуждают и люди, которые не понимают, что сегодня дают себя знать старые дела.

Перестройка не без ошибок, конечно. Но что из нас согласится, чтобы было так, как при Сталине? Поэтому надо идти вперед, к законам здравого смысла.

Записала В. СЕРИКОВА.